

ИНДИЯ И АСЕАН (ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ)

Если в середине минувшего века вполне правомерно можно было считать, что зона Индийского океана отставала по масштабам и эффективности развития сотрудничества или интеграционных тенденций по сравнению с Европой, Северной Америкой и другими ареалами, то ныне картина, безусловно, абсолютно иная. Индоокеанский регион буквально опутан нитями разнообразных взаимосвязей – двусторонних и многосторонних. Здесь действуют с разной мерой результативности субрегиональные межгосударственные организации – АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, с 1967 г.), ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, с 1981 г.), СААРК (Ассоциация Южной Азии по региональному сотрудничеству, с 1985 г.), ОЭС (Организация экономического сотрудничества, с 1985 г.), КОИ (Комиссия по сотрудничеству островных стран юго-западной части Индийского океана, с 1984 г.).

И данный процесс продолжает набирать обороты – появляются все новые и новые группировки и альянсы государств, стремящихся к сотрудничеству по различным направлениям, – первая общерегиональная Ассоциация регионального сотрудничества стран Индийского океана (АРСИО, 1997 г.), так называемая «Бенгальская инициатива» (БИМСТЕК, 1997 г.) и др.

Одним из наиболее интересных аспектов этого процесса является взаимодействие крупнейшей азиатской державы – Индии с АСЕАН, старейшей и наиболее эффективной субрегиональной организацией. Анализ эволюции их отношений, особенностей и форм, проблем и перспектив весьма важен для понимания общих закономерностей интеграционных процессов, бурно развивающихся ныне на азиатском континенте. Представляются также существенными ответы на вопросы, почему Индия придает такое значение этим взаимосвязям, насколько обе стороны взаимовостребованы?

При рассмотрении поставленных проблем не хотелось бы касаться детально чисто экономической стороны темы, давать многочисленные цифры и другие статистические данные, скажем, роста или падения взаимной торговли или инвестиций и т.п., строить прогнозы – ныне все это достаточно опасно и может быть некорректным в условиях разразившегося глобального финансово-экономического кризиса.

Краткая история вопроса

С самого начала образования в 1967 г. АСЕАН и Индия испытали короткий период их политического и торгово-экономического сближения, а затем наступили годы неопределенности в силу разных причин:

1). Стремление Индии стать активным участником бурно развивающегося регионализма в ЮВА встретило весьма различную по своей сути реакцию стран-членов организации, которые в целом были настроены против участия в группировке ведущих держав – США, Индии и др.

2). Индии не прощали и частенько напоминали о близкой дружбе и тесных отношениях по многим направлениям с Советским Союзом (Договор о дружбе и сотрудничестве 1971 г., поставки недорогого оружия, нефти и т.п.), как, впрочем, и теплые политические и военные связи с Вьетнамом.

3). В свою очередь, индийские руководители время от времени делали недвусмысленные заявления об асеановской поддержке американской силовой политики в регионе и мире.

Характерно высказывание индийского профессора К. Сридхарана по этому поводу, – «Во всех столицах стран-членов АСЕАН чувствовались определенная напряженность относительно отношений между Советским Союзом и Индией и растущий страх в связи с тем, что Москва и Нью-Дели могли бы совместно выступить в той или иной форме против стран ЮВА. Индию, например, не жаловали в Джакарте, где реально беспокоились о том, что Москва может молча согласиться с расширением сферы влияния Индии в регионе, как части ее политики «сдерживания» Китая¹.

В 1991 г. после распада СССР, потери в его лице сильного и надежного союзника, завершения «холодной войны» и биполярности была открыта новая страница во взаимодействии Индии с АСЕАН: индийским правительством Нарасимхи Рао был принят курс «Ориентация на Восток» («Look East») в качестве одного из механизмов реализации рыночных широкомасштабных реформ в стране и расширения ее внешнеэкономических и иных связей. Если ранее Индия ориентировалась на Северную Америку, ЕС, то с начала 90-х гг. она попыталась (и довольно успешно) диверсифицировать свои взаимодействия в мире и в рамках нового курса предусматривала приоритетность их развития, прежде всего, с АСЕАН (особенно в сфере технологий и инвестиций Сингапура и Малайзии для модернизации индийских инфраструктуры, аэропортов, дорог), а также с Японией, Южной Кореей².

Помимо указанных чисто внутренних мотивов появления инновационного курса существовали и другие. Во-первых, Индию уже не удовлетворяло качество сотрудничества в формате СААРК, которое характеризовалось все еще низким уровнем внутрирегиональной, южноазиат-

ской торговли (4-5%), медленным прогрессом в развитии промышленности, транспорта и тому подобных сфер экономики малых стран Южной Азии (ЮА), их боязнью доминирования такого гиганта, как Индия и ее капитала, наличием сложных двусторонних конфликтов (например, между Пакистаном и Индией из-за Кашмира, трений между Бангладеш и Индией и пр.).

В итоге, по метким словам профессора Университета им. Дж. Неру С. Муни, СААРК долго не удавалось ни избавиться от напряженности между странами-членами, ни реализовать ни одного значительного проекта за более, чем 20-летний период существования³. Кроме того, индийское руководство ощущало явное отставание СААРК от крепнущих в мире тенденций к глобализации.

Во-вторых, в отличие от слабо прогрессирующей СААРК напротив – близ лежащая АСЕАН привлекала и впечатляла своими безусловными достижениями и динамизмом экономического и иного регионализма. Курс на Восток, на АСЕАН – это был логичный и естественный шаг со стороны индийского руководства, которое верно оценило геополитическую и геостратегическую непростую ситуацию на Западе Индии – соседство с давним соперником – Пакистаном, нестабильность Среднего Востока (особенно Афганистана) и Центральной Азии (ЦА) – на севере. На тот момент северное и западное направления явно не имели весомого и достаточно легко реализуемого потенциала для расширения сотрудничества.

В-третьих, существовал еще одна серьезная мотивация для подъема уровня отношений с АСЕАН – Индию беспокоил напор и активизация связей динамично развивающегося Китая со странами АСЕАН, как и со всем регионом ЮВА, играющим и для Индии и для Китая чрезвычайно важную, но противоположную роль по разным параметрам. По существу, для Китая ЮВА это не только доступ к источникам сырья, энергии, рынкам, возможности инвестиций, но и плацдарм для выхода и усиления влияния на более широком пространстве Индийского океана, прежде всего в Персидском заливе и далее на Ближнем и Среднем Востоке, в Восточной и Южной Африке и т.д.

Для Индии, наряду со схожими, так сказать, классическими целями проникновения в АСЕАН, это еще чрезвычайно важное «окно» в Восточную Азию и АТР, что особенно значимо в условиях, когда руководство страны поставило перед страной весьма амбициозную задачу – выйти на уровень глобальной державы.

Стоит напомнить, что Индия пережила уже отнюдь не подспудное, а вполне реальное нежелание некоторых стран АТР, включая отдельных участников АСЕАН, не допустить ее в свои формирующие или действующие структуры сотрудничества (ежегодные встречи: Азия – ЕС,

АТЭС и др.). Так, в 1997 г. был объявлен мораторий на вступление новых членов в АТЭС, под который попала и Индия.

В-четвертых, в этом же спектре индийских мотиваций продвижения на Восток едва ли не ключевое место занимает так называемая «малаккская дилемма», по метким словам председателя КНР Ху Цзинтао. Ее воздействие на экономику и Индии, и Китая огромно, но в разной степени (через Малаккский пролив осуществляются до 80% нефтяных поставок в Китай и 40% индийских товаров в Северо-Восточную Азию (СВА). Обе стороны крайне заинтересованы в обеспечении безопасности коммуникаций на стыке Индийского и Тихого океанов, что весьма актуально в условиях активизации пиратства в Индийском океане (вокруг берегов Индонезии, Малайзии, Сингапура, Бангладеш и др.), ныне особенно опасная и на западном его фланге – в Аденском заливе и у берегов вечно конфликтного Африканского Рога.

Следует подчеркнуть, что система безопасности индоокеанской зоны весьма значима для АСЕАН, особенно в тех районах, где Мьянма является западным флангом группировки, а Южно-Китайское море – восточным, где Китай вновь проявил характерную для него напористость. Китайские руководители объявили недавно об учреждении административного района Шанша. В его состав вошли Спратли и Парасельские острова вопреки Коду поведения, подписанному КНР с членами АСЕАН в отношении указанных островов. В виду этого стратегическая безопасность АСЕАН может зависеть в еще большей степени от Китая, если его позиции будут усиливаться и на том, и на другом фланге, а также на севере⁴.

Таким образом, здесь завязаны и сталкиваются противоречивые и разновекторные интересы двух растущих азиатских гигантов, которые противоположны по многим параметрам. Они принадлежат к разным цивилизациям, у них разные исторические корни и политические системы. Китай – однопартийная авторитарная страна. Индия – это страна со многими этносами, языками, культурами и религиями, крупнейшая демократия в мире. Безусловно, подобные различия будут оказывать огромное влияние на выбор азиатских государств, да и всех развивающихся наций в мире, какой модели развития стоит следовать при том, что успехи двух стран впечатляют, как и достижения в сфере дипломатии и внешней политики, в военной области. В этих условиях нельзя не учитывать китайский фактор в любом повороте событий, раскладе сил и взаимосвязей в регионе⁵.

Похоже, в перспективе соперничество Индии и КНР выйдет за границы сухопутного пространства ЮВА и, возможно, проявится и переплетется на морских просторах в силу заметного усиления значимости в международных отношениях (МО) морского фактора в целом (рост ВМС, его традиционные /борьба с терроризмом, пиратством, наркотра-

филом, незаконными перевозками оружия/ и новые гуманитарные функции /помощь в случаях стихийных бедствий, конфликтов и т.п./, создание прибрежными государствами сети новых баз, уплотнение военноморского присутствия в бассейне, реализация здесь китайской стратегии по укреплению связей с прибрежными странами, получившей название «нити жемчуга», рост числа совместных маневров).

Вместе с тем нельзя не оценить мудрость и чутье лидеров и Индии, и Китая, которые гибко адаптируются к меняющимся реалиям в мире (глобализация, регионализация и т.п.). С первых лет нового тысячелетия они активизировали реализацию потенциала доброй воли и прагматизма, и сумели найти сферы, где можно успешно сотрудничать (соглашение 2006 г. о совместной разработке нефти в третьих странах*, инициатива Кунминг 1999 г. (в составе Китая, Бангладеш, Индии и Мьянмы по расширению ряда проектов, в том числе инфраструктурных) и т.п. Но некоторые индийские эксперты считают, что таких сфер сотрудничества должно быть больше, а их реализация быстрее и эффективнее.

(* Так, после нескольких неудачных попыток Индии опередить Китай в Анголе, Мьянме, Эквадоре и Казахстане по приобретению там и последующей разработке нефтяных месторождений, индийская ONGC и китайская CNPC совместно купили в январе 2006 г. крупное предприятие в Сирии по добыче нефти в аль-Фурате за 573 млн. долл. Обе компании уже несколько лет разрабатывают также Мугладский бассейн в Судане и строят 940-мильный нефтепровод по транспортировке нефти до Порта Судан на берегу Красного моря⁶).

Основные механизмы взаимодействия

После 1991 г., когда произошли значительные геополитические сдвиги в мире и в Азии, АСЕАН оценила потенциал и важность Индии в качестве 3-ей крупнейшей экономики континента, ее возросшую роль в мировых и региональных делах, ее изменившийся стратегический профиль в зоне Индийского океана. Руководство группировки видело также в сближении с Индией возможность установления баланса в качестве противовеса усиливающемуся влиянию Китая в ЮВА и определенной доли контроля над его устремлениями к лидирующей роли в ВА. Вот почему АСЕАН ответила более позитивно на многие индийские предложения и инициативы в рамках курса «Ориентация на Восток». В 1992 г. Индия становится региональным партнером по диалогу с АСЕАН в области торговли, инвестиций и туризма, в 1995 г. полноправным партнером, в 1996 г. членом Регионального форума и т.п.

К сожалению, полномасштабное продвижение Индии в сторону АСЕАН было задержано во второй половине 90-х гг. минувшего века проведением ею и Пакистаном ядерных испытаний в 1998 г. и наложением на нее США, Японией и Австралией жестких экономических санк-

ций. И хотя на саммите АСЕАН в июле 1998 г. Сингапур, Вьетнам, Малайзия и Индонезия выступили за более мягкие меры по отношению к Индии, в целом организация не смогла их игнорировать, в результате чего торговля и инвестиционные потоки между Индией и Ассоциацией довольно сильно пострадали. Индийско-пакистанский конфликт в Каргиле в 1999 г. также отвлек внимание Индии от реализации ее стратегии на ускоренное развитие взаимосвязей с АСЕАН.

Безусловно, курс «Ориентация на Восток» претерпевал изменения и корректировку под воздействием серьезных внутренних и внешних факторов – неоднократных смен правительств в Индии и значительных сдвигов на азиатском поле после 11 сентября: США появились здесь в качестве главного игрока, сумев под флагом борьбы с терроризмом и религиозным фундаментализмом, а также необходимости защиты энергетических интересов в Западной и Центральной Азии (ЦА), значительно расширили свое военно-стратегическое присутствие в регионе, наладили отношения со всеми крупными азиатскими государствами, включая Индию.

Благодаря этим значительным переменам зона Индийского океана вновь приобрела глобальное звучание, оказавшись в эпицентре мировых событий, на что стали указывать многие ведущие политологи и эксперты по МО (З. Бжезинский, Г. Партхасаратхи и др.).

Трансформация в Азии и нескончаемые этнические конфликты, сепаратистские движения, дефицит демократии в разных точках континента, споры из-за источников воды и энергоресурсов и другие менее традиционные кризисы и угрозы безопасности настоятельно требовали от индийских стратегов невиданных прежде подходов и инноваций в их политике. Как полагали индийские эксперты С. Муни и Р. Мохан в своем эссе в коллективной монографии «Индия и рождение новой Азии» (2005 г.), в таких условиях Индии была крайне необходима обновленная, особо эффективная и динамичная связь («synergy») между обороной, дипломатией и торговлей – главными инструментами ее внешней политики, чтобы выполнять в полном объеме лидирующую роль в продвижении вперед суб- и общерегионального сотрудничества, а также заметно усилить здесь свое стратегическое влияние и материализованное военно-морское присутствие⁷.

Это нашло отражение в перестройке внешнеполитической стратегии страны – в ней появились шаги по нормализации отношений с малыми государствами региона, в том числе ЮВА, большой прагматизм, усиление силовых факторов и т.п. На практике это вылилось в инновационный сплав, состоящий из таких элементов политики, как торгово-экономические соглашения, совместные военные и военно-морские маневры, сотрудничество в энергетике, акцент на осуществление проектов в инфраструктуре и т.п.

Притягательность опыта АСЕАН и ответные инициативы Индии

Что же конкретно привлекало Индию в деятельности АСЕАН? Какие меры выдвигались ею?

1) Соглашения о Зонах свободной торговли (ЗСТ). Хотя Индия традиционно известна как страна, имеющая давние торговые связи по всему миру, она довольно основательно приглядывалась к принципам ЗСТ, явно осторожничала. Между тем к марту 2002 г. в мире действовали свыше 250 ЗСТ. В Азии, по данным М. Пангетсу и С. Гупту в их обширном исследовании деятельности ЗСТ, подготовленном специально для Международного банка, если к середине 2003 г. таких зон (подписанных или прорабатываемых) было 36, то к 2007 г. – свыше 120. Из них 18 приходилось на Сингапур, 10 – на Южную Корею, 6 – на Таиланд, по несколько – на других членов АСЕАН. Парадоксально, Индия и Китай оказались поначалу в этом списке в аутсайдерах⁸.

Эффективный пример Сингапура и в еще большей степени следовавшие вскоре шаги в этом же направлении Китая убедили Индию в необходимости переоценки роли ЗСТ (в ноябре 2002 г. китайские и асеановские лидеры подписали соглашение об учреждении к 2010-2012 гг. ЗСТ Китай – АСЕАН (КАФТА), 8 октября 2003 г. – Договор о дружбе и сотрудничестве Китай – АСЕАН (ТАС). Эти инициативы вызвали «цепную реакцию» и в Японии и в США, которые поспешили последовать примеру КНР. Так, Япония поторопилась подписать рамочное соглашение с АСЕАН о Всеобъемлющем экономическом партнерстве в октябре 2003 г.

Американские представители высшего эшелона власти, посещавшие в 2005-2006 гг. страны АСЕАН, – бывший заместитель госсекретаря Р. Золик, госсекретарь Кондолиза Райс и др. неоднократно заявляли о желании США установить большее число ЗСТ со странами АСЕАН, о ее возрастающей роли в регионе и процессе формирования ВАС, но дальше слов некоторое время дело не шло⁹.

Другим важным фактором в переоценке Индией роли ЗСТ послужил тот факт, что уровень взаимной торговли и инвестиций к рубежу веков был незначительным по сравнению с другими партнерами АСЕАН по диалогу (менее 2% общей торговли и 0,2% инвестиций организации). При этом торговый баланс был явно в пользу АСЕАН. Обе стороны провели серию встреч на высшем уровне, посвященных состоянию торговых отношений, в ноябре 2002 г., мае 2003 г. и др. Переговоры шли не без трудностей, поскольку Индия, например, настаивала на исключении из соглашения по ЗСТ целого ряда товаров (текстиль и сельскохозяйственную продукцию). После нескольких раундов обсуждений, в октябре 2003 г. было подписано рамочное соглашение о Всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между Индией и АСЕАН (СЕСА). Оно предусматривало также постепенное установление ЗСТ: к 31 декабря 2011 г. с

Брунеем, Индонезией, Малайзией, Сингапуром и Таиландом; к 31 декабря 2016 г. – с Филиппинами, Камбоджей, Лаосом, Мьянмой и Вьетнамом¹⁰.

Чтобы способствовать продвижению этой формы сотрудничества в жизнь, Индия параллельно вела переговоры о ЗСТ и с отдельными членами организации, которые завершились подписанием соглашений в июле 2003 г. с Таиландом, в июне 2005 г. с Сингапуром (также в рамках СЕСА). С 2005 г. начались переговоры Индии с Малайзией о ЗСТ.

В итоге торговля с АСЕАН в стоимостном выражении заметно возросла – с 5,6 млрд. долл. в 1998 г. до 14,5 млрд. долл. в 2004 г., и АСЕАН стала 3-м торговым партнером Индии (после ЕС и США); индийские инвестиции в те же годы достигли 0,667 млрд. долл., но лишь 0,4% общего объема инвестиций в группировку, а Сингапур, Малайзия и Таиланд стали главными инвесторами в Индию¹¹.

Кроме того, как стали полагать многие аналитики-политэкономы, в последние годы ЗСТ становятся во все большей мере механизмом расширения не только торговых и инвестиционных связей (а значит укрепления экономической безопасности), но и политической дипломатии и стратегической сферы, что чрезвычайно важно в нынешнем глобализованном мире в целом и в противодействии конкурентам, в частности.

Такое понимание роли ЗСТ в экономической ее части совпадало с той концепцией АСЕАН, которая была выдвинута организацией еще в 1992 г. и трансформировалась (с вступлением шести новых членов в 1997 г.) в «ASEAN Vision 2020», нацеливавшую группировку на более тесную интеграцию к 2015 г. в форме ЗСТ на их пространстве. Правда, как оказалось, у членов организации не было единого мнения по поводу сроков ее введения. Индонезия и Филиппины были менее оптимистичны по сравнению с радикально настроенными Сингапуром и Таиландом. Но ввиду динамичного подъема и роста конкуренции со стороны Китая и Индии, у асеановцев не возникло иного выбора, как перенести дату с 2020 на 2015 г.

2) Сотрудничество в рамках многосторонних субрегиональных организаций. Естественных Экономических зон (ЕЭЗ), «Треугольников роста», которые, по мнению американского профессора Р. Скалапино и других политологов¹², начались именно с ЮВА (Большой Меконг, связка из блоков Индонезия+Малайзия+Таиланд и др., когда в интересах экономического развития перекраивались привычные географические пространства).

Индия поддержала выдвинутую Таиландом в 1997 г. Бенгальскую инициативу. Была сформирована субрегиональная многосторонняя организация стран Бенгальского залива по технико-экономическому сотрудничеству в составе Индии, Таиланда, Мьянмы, Шри Ланки, Бангла-

деш (в 2004 г. к ней присоединились Непал и Бутан) – БИМСТЕК с конечной целью – создание ЗСТ. Эта инициатива по существу должна была стать мостом между АСЕАН и СААРК и была нацелена на использование весьма разнообразного потенциала участников для развития промышленности, технологий, сельского хозяйства и т.п. как на двусторонней, так и на многосторонней основе, т.е. в рамках всей группировки¹³.

С приходом на пост премьер-министра Ваджпай, в курсе «Ориентация на Восток» был сделан акцент на развитие связей с Камбоджей, Лаосом, Мьянмой и Вьетнамом (CLMV). Индийское руководство осознавало, что эти новые члены группировки наименее развиты в социально-экономическом и ином плане по сравнению с другими участниками организации и вряд ли смогут достаточно быстро догнать их. Вот почему Индия оперативно подключилась к реализации «Плана по сокращению разрыва в уровнях развития внутри АСЕАН» и предложила в первую очередь им свою экономическую и техническую помощь, а также создание центров по обучению английскому языку и тарифные концессии на товары из этих стран¹⁴.

Надо признать, что в последние годы некоторые специалисты выражают опасение, что БИМСТЕК может стать значимой соперницей менее динамичной СААРК и со временем заменить её. Представляется, эти рассуждения неправомерны – у каждой из межгосударственных организаций есть свои цели и свои ниши, а значит – свои пути развития в нынешнем глобализирующемся мире, где появляются все новые и новые формы сотрудничества и интеграции. По существу они становятся ключевыми механизмами и регионализма, и глобализации в противовес политике диктата и конфронтации.

Еще одним каналом сотрудничества Индии с членами АСЕАН стала первая в индоокеанской зоне общерегиональная организация – АРСИО, сформированная в марте 1997 г. Важными задачами новой огромной группировки были создание Преференциальных торговых соглашений, ЗСТ, клиринговых и таможенных союзов, расширение внутререгиональных торговли и инвестиций, а на перспективу – установление тесных связей с АТР. При выработке принципов и форм сотрудничества учитывался опыт ряда как внерегиональных альянсов (ЕС, МЕРКОСУР, КОМЕСКА), так и АСЕАН.

Однако первые шаги по пути сотрудничества Индии и стран АСЕАН в рамках АРСИО выявил различия в подходах к формированию форм и перспектив деятельности новой организации. Так, целый ряд членов АСЕАН, возглавляемые Австралией, будучи более продвинутыми в экономическом отношении, выступили за относительно быструю и развернутую дерегуляцию хозяйственной жизни стран бассейна, за ослабление тарифных ограничений и принцип «открытого регионализма». Эта группа государств по существу явилась противницей заключения

преференциальных торговых соглашений и формирования торгового блока, видя преимущества в этом отношении такой модели более открытого типа, как АТЭС.

Противниками такой позиции выступили те страны, которые достаточно недавно приступили к либеральным рыночным реформам, были не готовы к открытию внутреннего рынка (Индия, отчасти ЮАР, наименее развитые страны АСЕАН) и опасались проигрыша в борьбе за рынки.

Заметные расхождения во взглядах существовали, например, по вопросам о членстве, включению в повестку деятельности АРСИО проблем безопасности, по ядерным амбициям Индии и Пакистана и т.п. В огромном регионе Индийского океана периодически возникают кризисы, новые виды угроз безопасности – терроризм, пиратство, небезопасность торгово-нефтяных потоков, отмывание незаконных доходов, наркотрафик, передел сфер влияния и водных ресурсов и др. Все это вызывает острую потребность в новых механизмах по обеспечению безопасности. Австралия при поддержке Сингапура, Таиланда и др. неоднократно пыталась включить вопросы безопасности и мер доверия в поле зрения АРСИО. Пока преодолеть слишком сильный крен в экономику не удавалось.

В АРСИО существуют значительный диспаритет в уровнях развития ее членов, параллельное участие многих из них в других группировках (АСЕАН, АТЭС и др.), огромные расстояния, на преодоление которых требуются дополнительные средства и усилия. Отсюда стремление некоторых участников активнее сотрудничать в близлежащих межгосударственных союзах. В условиях экономического неравенства развитые государства-члены организации естественно заинтересованы во взаимодействии более высокого уровня (Австралия, ЮАР, Индия, Сингапур, Малайзия и др. члены АСЕАН), в котором менее развитые страны, возможно, не смогут принять полноценное участие по различным причинам (слабая инфраструктура, трудности с финансированием или управлением, даже языковые барьеры). Именно здесь мог бы оказаться востребованным АРСИО, проверенный временем опыт принятой в АСЕАН и широко используемой гибкой схемы «10 – X». «X» – это те члены организации, которые не могут или не хотят участвовать в том или ином проекте¹⁵.

Помимо формальных региональных многосторонних организаций, в индоокеанской зоне появилось в последние годы несколько неструктурированных форумов, где обсуждаются не только экономические, но и стратегические проблемы. Это Форум Боао (Boao), проведенный в Китае в 2007 г.; JASIK (в составе Японии, АСЕАН, Китая, Индии и Кореи), спонсируемый Японией; Диалог Шангрила (Shangrila) по вопросам обороны и безопасности, прошедший в мае 2008 г. в Сингапуре; Азиатский

диалог по сотрудничеству, инициированный Таиландом. Они состоялись впервые в 2007-2008 гг. и пока весьма трудно предугадать будущее направление и принципы их деятельности, но можно подчеркнуть, что во всех из них активно взаимодействовали Китай, Индия, государства АСЕАН и Япония¹⁶.

3) При выборе партнеров или их комбинаций для поисков дополнительных сфер и форм взаимосвязей с АСЕАН Индия не упускала из вида двусторонние отношения с отдельными членами группировки, но заметно нюансировала их характер. Так, Таиланд, который занимал особую нишу («ворота» в АСЕАН) и проводил прагматичную политику лавирования между Китаем и Индией, был 6-м крупным инвестором в индийскую экономику, одним из первых подписал с ней соглашение о ЗСТ и т.д.

Учитывая прошлый опыт союзных связей времен «холодной войны» с Вьетнамом, Индия предприняла попытки их обновления и восстановления своего бывшего влияния в этом относительно новом участнике Ассоциации путем предоставления экономической помощи, продаж военного оборудования и т.п. на двусторонней основе, надеясь таким образом расширить каналы взаимодействия со всей организацией.

В реализации курса «Ориентации на Восток», безусловно, важную роль играет Мьянма (с нее собственно начинается ЮВА), особенно после вступления в АСЕАН в 1997 г., когда члены группировки под давлением Запада впустили ее в свои ряды в напрасной надежде на осуществление бирманским руководством внутривнутриполитических реформ. Энтузиазм в связи с их инициированием не разделяется участниками АСЕАН в равной степени. Каждая из стран-членов преследует скорее свои собственные национальные интересы, чем общие коллективные цели. Видимо поэтому Мьянма до сих пор остается большой «головной болью» или «L'enfant terrible» для АСЕАН.

Мьянма самый слабый и непростой в переговорах участник группировки, но весьма значимый в стратегическом отношении – страна расположена на стыке нескольких субрегионов. Именно через Мьянму Индия получает доступ к Таиланду и Лаосу. Это единственная страна АСЕАН, у которой есть и морские и сухопутные границы с Индией.

Мьянма – часть «Золотого треугольника» (с Лаосом и Таиландом). Через нее проходят огромные партии наркотиков в беспокойные северо-восточные районы Индии. По данным Бюро ООН по наркотикам и преступлениям (UNODC), выращивание мака в стране возрастает – в 2007 г. под него было занято 27,700 га в 163 тыс. хозяйствах, в которых произвели 460 метрических т. Наркотики легко перевозятся через индийско-мьянмскую границу длиной в 1643 км, из которых лишь 52 км охраняются индийскими пограничниками, что создает дополнительные, весьма трудные для решения проблемы во взаимодействиях¹⁷.

Индия предприняла по отношению к военному режиму Мьянмы тактику «бархатной политики», исходя из нескольких ключевых факторов – необходимости поисков большей стабильности в ее семи северо-восточных пограничных штатах; довольно широких ресурсных (газ, нефть и др.) и экономических возможностей Мьянмы; попыток сбалансировать активность и растущее присутствие Китая; наконец, своих военно-стратегических интересов.

Эта обширная и интересная тема о специфике отношений Индии и Мьянмы и весьма чувствительное проявление в их контексте и регионе китайского фактора требует отдельного подробного анализа. В представленной статье, видимо, следует ограничиться лишь некоторыми деталями двух важнейших направлений – энергетического и военно-стратегического.

Проводя ускоренными темпами стратегию «нити жемчуга» и строительства флота «голубой воды», Китай нуждался в выходах к Бенгальскому заливу и через него в Индийский океан. Это обстоятельство объясняет, почему Пекин строит морские объекты сразу в нескольких портах Мьянмы – Ситве около границы с Бангладеш на севере, Кьяукпиу на острове Рамри, на острове Коко вблизи Андаманского и Никобарского архипелагов, Хангги и Мергуи в районе Танинтари, Кьяками около города Мулмейн и Задетки на самом юге, тем самым покрывая всю бирманскую морскую границу в 2216 км. Одновременно Китай осуществляет обширную программу возведения нефтепроводов, мостов, сухопутных транспортных путей между провинцией Юннань и побережьем, исходя из стремления заполучить альтернативные обходы вокруг беспокойного Малаккского пролива.

Существуют различные оценки китайской стратегии и мер по ее реализации. Одни считают их преувеличением, другие и индийцы в первую очередь выражают опасения по этому поводу. Более того, индийское руководство последовательно искало возможности ответных мер по нейтрализации китайской активности. С рубежа веков Индии удалось добиться права захода и перезаправки в портах Мьянмы, проведения совместных морских операций и маневров, что было на руку бирманской стороне в целях переподготовки их морских офицеров. Помимо этого в распоряжении Индии был одна из наиболее передовых и экипированных баз в регионе – порт Блэр на Андаманских островах, всего в нескольких морских милях от Больших Коко, и др.¹⁸.

Развитию торговли Индии с Мьянмой хотя и мешали несколько причин, к 2008 г. она достигла 900 млн. долл., но меньше запланированного 1 млрд. долл. Руководители двух стран обсуждали также проекты по совместной эксплуатации залежей меди, строительства гидроэлектростанции на реке Чиндвин. Нью-Дели учредили информационно-технологический парк в Мандалае, два образовательных центра в Ян-

гоне и Мандалае и т.п. Большое внимание уделялось индийской сторонней инфраструктуре, о чем будет сказано далее.

Менее эффективными оказались проекты Индии в области энергетики, несмотря на упорные переговоры по созданию консорциума в составе Индии-Кореи-Бирмы с целью совместной разработки прибрежных газовых месторождений и строительства газопроводов. В 2005 г. их львиная доля была продана Китаю, что, однако не остановило Индию и переговоры были продолжены. К 2007 г. индийской компании ОНГК-Видеш удалось получить доступ к трем газовым полям на Араканском побережье¹⁹.

4) Место и роль коммуникационных проектов. Импульсом дальнейшему встречному движению Индии и АСЕАН стали интересные многосторонние инициативы в данной сфере. В 2000 г. – это проект «Меконг – Ганга», т.е. Индия+АСЕАН-5 (Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма, Таиланд). В 2001 и 2004 гг. Индия выдвинула предложения о совместном строительстве железных дорог и автострад от Индии до северной Малайзии. Многие эксперты посчитали их индийским «ответом» на проекты Китая по созданию паназиатской сети железных дорог – на так называемую китайскую технико-инфраструктурную «инициативу Кунминг» 1999 г. в составе Бангладеш, Китая, Индии и Мьянмы. Последняя с особым энтузиазмом приветствовала проекты, усматривая в них широкую возможность дипломатического и торгового подключения к региональным процессам после нескольких декад изоляции.

С середины первого десятилетия нового века вырисовываются зримые черты реализации некоторых указанных планов. К концу 2007 г. Индия завершила многомиллионное проектирование с Мьянмой Каладанской дороги, целью которого является соединение штата Мизорам (через реку Каладан) с портом Ситве на берегу Бенгальского залива (на его переустройство инвестируются свыше 120 млн. долл.). Индия продолжает прокладку дороги от Мореха в штате Манипур до Калева в Мьянме, названной индийско-мьянмской «дорогой дружбы», несмотря на то, что в ходе реализации проекта между сторонами возникали определенные трения и проблемы. Индия настаивала на том, что обязательства по возведению отрезка Таму-Калева-Мандалай лежали бы на Мьянме, а не на Индии. Но нехватка финансов, политической воли, нестабильность индийского пограничного района привели к тому, что бирманские руководители обращались скорее к помощи Китая, чем к партнеру по проекту. В итоге по этим причинам рост, например, взаимной торговли, на который рассчитывали поначалу обе стороны, был незначительным²⁰.

Началось строительство масштабной азиатской четырехполосной автострады (на участке от Таму до Калемио, Мьянма), которая свяжет Нью-Дели, Куала Лумпур, Хо Ши Мин сити, Пном Пен, Бангкок, Вьен-

тьян, Янгон, Мандалай, Калемиио, Тамму, Дакку и Колкату. Модернизируется старая, построенная еще в годы Второй мировой войны дорога Стилуэлл, шедшая от Ассама до Мьянмы (в долины Хуконг и Магонг) и далее в китайскую провинцию Юннань²¹.

Вновь активно обсуждается возможная реализация давнего плана строительства канала через перешеек Кра. Портовый оператор Dubai Ports World уже рассматривает шанс строительства моста через будущий канал, а также пути соединения портов по обе стороны перешейка скоростными железнодорожными и автотрассами. Малайзия особо заинтересована в создании трубопроводной сети, связывающей порты Бенгальского залива с портами Южно-Китайского моря.

Как считает сотрудник Центра новой американской безопасности в Вашингтоне Р. Каплан, перекрестье транспортных путей вокруг Малайзии, Сингапура и Индонезии (и в целом в ЮВА – Н.Л.) станет своеобразным «сердцем» Азии, не менее важным в стратегическом отношении, чем «коридор Фульды» (по нему советские танки могли бы вторгнуться в Западную Германию во времена «холодной войны»)²².

В определенной мере все это объясняет, почему, вообще, теме инфраструктуры, транспорта стал придаваться столь повышенный интерес (в данном случае в Индии). Она сквозит во всех принимаемых индийских документах сотрудничества в самых разных точках региона.

Разрабатываемая многоцелевая программа помогает решать несколько разнохарактерных задач: а) Получение экономически более выгодного наземного альтернативного пути с выходом к «неспокойному» Малаккскому проливу и Южно-Китайскому морю. б) Укрепление и углубление взаимосвязей со странами АСЕАН и всей ЮВА в области торговли и расширения доступа к местным рынкам. в). Общее оздоровление обстановки и наращивание собственного влияния, в том числе стратегического. Думается, индийское руководство рассчитывало через механизм создания инфраструктуры значительно ускорить практическую реализацию курса «Ориентация на Восток», отрегулировать попутно многие политические и стратегические проблемы и добиться определенных целей. Наиболее значимая из них – если не переиграть Китай, то хотя бы нейтрализовать его действия.

АСЕАН чрезвычайно важна для Индии в воплощении устремлений к широкому участию в интеграционных процессах, бурно идущих на стыке ЮВА и ВА (АСЕАН+Китай, АСЕАН+3, шаги по формированию ВАС и др.), выходу в ВА и АТР. В 2004-2005 гг. Индия подписала значимые документы – АСЕАН+Индия «Договор о партнерстве, мире и процветании», «Договор о дружбе и сотрудничестве» (наряду с другими государствами ВА).

Следует сразу оговорить тот факт, что указанные роль и место АСЕАН в МО заметно эволюционировали. АСЕАН нелегко пережила

период своего становления, начиная от первых неудачных попыток ее формирования в эпоху «холодной войны» с ее четкими границами идеологической и политико-стратегической ориентации и разнообразием конфликтов, а затем после расширения своих границ за счет включения новых членов и кончая сдвигами в МО и новыми вызовами рубежа XX-XXI веков. Особенности этих этапов, так или иначе, оказали заметное воздействие на характер, динамику и силу взаимовостребованности двух сторон – Индии и группировки, о чем уже выше частично говорилось.

Представляется целесообразным выделить несколько ключевых моментов, появившихся в последние годы. С одной стороны, целая серия событий на рубеже веков (финансовый кризис 1997 г. в Азии, проблема Восточного Тимора, нескончаемая череда вспышек военной напряженности в Мьянме и Таиланде и т.п.) показала определенную меру неготовности организации в эти трудные времена, породила сомнения в ее способности уладить сложные вопросы и вызовы нового поколения, вскрыла слабости и границы возможностей АСЕАН²³.

А с другой стороны, успешно преодолев подводные камни «холодной войны» и переходного периода после ее окончания, АСЕАН, как региональная организация, стала моделью эффективного регионализма и региональной идентичности для других государств в развивающемся мире. Не случайно было появление концепции «ASEAN WAY», по замыслам авторов которой она вобрала в себя все позитивное, что удалось группировке накопить и использовать на практике за долгие годы ее деятельности. Принципы «ASEAN WAY» оказались уместными и для акторов или участников МО в ВА. Основные из них – а) умение оградиться от вмешательства внешних держав; б) эволюционное развитие на основе достижения взаимного доверия для предотвращения возможных конфликтов; в) разнообразие форумов и инициатив сотрудничества; г) использование консенсуса для защиты интересов всех участников группировки.

В целом, концепция, по всей видимости, может послужить основой для постепенной реализации идеи формирования Восточноазиатского сообщества (ВАС), которое пройдет три основных этапа – создание Экономического сообщества, Сообщества в сфере безопасности и, наконец, Социо-культурного сообщества²⁴.

В ходе переговоров и обсуждений условий формирования Восточноазиатского нового порядка (или Восточноазиатского сообщества), в котором АСЕАН играет цементирующую роль, а также состава участников Восточноазиатского саммита, явно обозначились две группы стран «за» (Япония, Сингапур, Индонезия) и «против» (Китай, Малайзия) расширения его состава.

Индия оказалась в известной мере «козырной картой» в сложной игре между Китаем и Японией за лидерство в этом процессе. Так, Китай,

уверенно, но мирно подтягивающийся в иерархии ключевых держав к глобальному уровню, изначально стремился ограничить число участников Восточноазиатского саммита (ВАС). Япония выступала за включение в него Индии, Австралии и Новой Зеландии, чтобы в отсутствие США размыть сильные позиции Китая, который в ответ предложил принять Россию.

Выдвигался также план рокировки Китая и Индии: последняя стала бы участником ВАС при условии принятия Пекина в СААРК. Существовали также опасения по поводу того, что если соседним партнерам – России, Монголии и некоторым странам ЮА – позволят стать членами ВАС, то это будет скорее Азиатское сообщество²⁵.

Почему на данном этапе большинство асеановцев стали активнее приветствовать внедрение Индии в их пространство? Во-первых, учитывая ее новый имидж в мире, партнерский характер взаимоотношений с США, ряд экономических достижений, ее умение использовать так называемую «мягкую силу» и усилившийся стратегический профиль в регионе, они увидели в ней своего рода балансир натиску Китая. Ведь в их глазах Пекин стал конкурентным вызовом для их собственного развития, некой угрозой в связи с нерешенностью принадлежности спорных островов, испытанием 11 января 2007 г. новой модификации антиспутниковой ракеты, ускоренной модернизацией ВС КНР, стратегической напряженностью вокруг Тайваня и т.п.

Во-вторых, они не могли не принимать во внимание упорное желание и практические меры Пекина вывести свой флот на уровень «голубой воды», т.е. способный действовать в открытых водах и Тихого и Индийского океанов. Неудивительно, что страны АСЕАН (хотя и с различных позиций) начали позитивнее оценивать материализованное присутствие ВМС Индии в окружающих водах в качестве стабилизирующего фактора в Малаккском проливе и вокруг него, его эффективность в борьбе с пиратами, в новых гуманитарных функциях и т.д. Более того, страны АСЕАН (например, Сингапур, Вьетнам и др.) согласились на совместные военно-морские маневры, как и не были против индийско-американских и индийско-японских учений в регионе. Хотя, безусловно, строительство Индией баз и объектов (Карвар около Гоа, возможно на Никобарских и Андаманских островах вблизи нестабильного Малаккского пролива и др., ее попытки ангажировать некоторые прибрежные страны для предоставления ей опорных пунктов и т.п.) вызывают известную долю опасений у асеановцев.

В этих условиях вызывает особый интерес такой обратный аспект отношений Китай – АСЕАН, как воздействие на них индийского фактора. Может ли Индия так или иначе стать своего рода тормозом для их дальнейшего развития? С большой долей ответственности следует отметить подобное сомнение, и вот по каким причинам. У АСЕАН и Индии

существуют свои собственные намерения и цели в развивающихся взаимодействиях, которые в основном пока не пересекаются с китайско-асеановскими. Для Индии они являются лишь частью курса «Ориентации на Восток» и более широкой многовекторной геополитической стратегии на пути к глобальному уровню. Для АСЕАН – это дополнительная возможность уравновесить свои отношения с другими крупными державами с целью укрепления стабильности, мира и процветания в регионе.

Экономические связи (торговля, инвестиции и т.п.) ЮВА и СА гораздо теснее и масштабнее по сравнению с таковыми ЮА и ЮВА, что красноречиво демонстрируют, например, некоторые данные. Так, объем торгового оборота Китая с АСЕАН составляет 7% ее внешней торговли, а Индии всего лишь 2%. Сумма китайских прямых инвестиций (FDI) в АСЕАН в 2004 г. достигла 225,9 млн. долл., а индийских – 46,3 млн. долл. И Индия, и Китай, как крупные энергопотребители, импортируют нефть из стран АСЕАН, объем которой возрастает, особенно со стороны Индии. Пожалуй, в этой сфере возможно нарастание соперничества между ними. В отдельных отраслях промышленности им удалось размежеваться и найти свои ниши – китайские промышленные товары и электроника более конкурентоспособны в ЮВА, тогда как в сфере услуг и секторе информационных технологий (ИТ) – индийские²⁶.

Наконец, Индия даже после 11.9. 2001 г. пока не сумела в полной мере конвертировать свой экономический потенциал в политическое и стратегическое влияние в данном регионе. Подобная тенденция начала четче просматриваться лишь в самые последние годы. АСЕАН и Китай, напротив, в рамках АТЭС (АПЕС), Регионального форума АСЕАН (ARF) и др. структур сумели (помимо укрепления экономических отношений) выработать сотрудничество связи в международных и региональных делах.

По существу, через указанные механизмы они стали почти союзниками, провозгласив «ASIAN WAY» в качестве платформы организации дальнейших региональных взаимодействий. Обе стороны являются сторонниками принципов невмешательства, гибкости, постепенности и консенсуса при принятии решений, что заметно отличается от более структурированных и ограничительных методов Запада. В этом плане Индия пока не нашла своего достаточно проецируемого места, прежде всего, в СА. Это не умоляет ее возрастающие возможности влияния в зоне Индийского океана от Сокотры до Малаккского пролива, в Центральной Азии и т.д.

Вместе с тем нельзя не заметить того важного факта, что подъем Китая, его растущее дипломатическое и экономическое внедрение в ЮВА и за ее пределами похоже генерирует обновленный интерес к региону со стороны не только Индии, но и США и Японии. Далеко не слу-

чайно, что на последнем Региональном форуме АСЕАН по безопасности, проходившем 22-24 июля 2009 г. на о. Пхукет (Таиланд) одним из важных его итогов стало наконец-то подписание США «Договора о дружбе и сотрудничестве» (выше упоминались устремления США в этом контексте), неформально именуемого «пактом о ненападении», который был подписан еще в феврале 1976 г. и закрепил такие принципы, как уважение независимости, суверенитета, равенства и территориальной целостности всех государств, мирное урегулирование конфликтов (к настоящему времени помимо 10-ти членов АСЕАН в число участников договора входят еще несколько государств и территорий, среди которых Россия, Индия и Китай).

Подпись под документом поставила нынешний госсекретарь США Хилари Клинтон, которая подчеркнула, что данный шаг новой администрации Б. Обамы знаменует весьма активное американское присутствие в регионе как в двустороннем, так и многостороннем плане²⁷.

Надо признать, что возобновление интереса ключевых держав к делам ЮВА и АСЕАН не простой процесс. Трудно не согласиться с мнением профессора Университета им. Дж. Неру, Дж.В.С. Найду, который полагает, что углубленное вовлечение великих держав, с одной стороны, расширит возможности выбора членами АСЕАН партнеров среди них, а с другой, – может породить определенную степень конкуренции между внешними игроками, превратив пространство ЮВА в своего рода поле битвы за верховенство и влияние на страны региона²⁸.

Существует еще одна едва, заметная к настоящему времени тенденция, которая в перспективе может оказаться для стран АСЕАН довольно малообещающей. Есть некая опасность в том, что подъем новых «центров силы» – Китая и Индии – сделает АСЕАН как единое экономическое пространство менее привлекательной по сравнению с огромными и бурно развивающимися экономиками двух азиатских гигантов. По паритету покупательной способности (PPP) объединенный ВВП всей ЮВА меньше половины индийского, меньше одной трети китайского и примерно равен южнокорейскому ВВП.

При этом разрыв между этими показателями ширится, судя по темпам роста огромных и китайского, и индийского мега-рынков, которые в свою очередь, становятся ключевыми направлениями для прямых иностранных инвестиций (FDI) Японии, Южной Кореи и Тайваня. Вот почему такие динамичные страны, как Сингапур, Таиланд, Филиппины и др. все чаще обращают свои взоры за пределы АСЕАН, активно вступают в двусторонние соглашения по ЗСТ со все большим числом внешних государств²⁹.

Будут ли близлежащие Индия и Китай, как поднимающиеся великие державы, остро соперничать между собой на поле АСЕАН и ЮВА ныне трудно спрогнозировать. Известный индийский адмирал Суреш

Мехта признает, что Китай умеет смотреть на 20 лет вперед, а Индия лишь отвечает, хотя и адекватно. Но даже при известной доли соперничества (будь то на суше или на море) у них могут быть общие экономические интересы, в том числе и на пространстве АСЕАН, роль которой в Восточной Азии и АТР заметно растет по многим направлениям.

Что касается просторов Индийского океана, то здесь явно намечается новая, довольно любопытная тенденция – на место длительного противостояния СССР и США (политического, военно-стратегического, идеологического и др.) 70-80-х гг. минувшего века идет нарастание конкуренции между растущими морскими державами – Индией и Китаем. Как она будет протекать, насколько жестко и в каких формах – покажет время.

---

¹ Sridharan Kripa – The ASEAN Region in India`s Foreign Policy, Dartmouth, 1996, p. 72.

² The Journal of East Asian Affairs, 2006, v. 20, № 2, Fall/Winter, p.155; Asian Survey, 2006, v. XLVI, № 1, January/February, p. 101.

³ The Asian Age, 05.04.2007.

⁴ Asian Strategic Review. 2008. IDSA., ed. by S.D.Muni, N.-D., Academic Foundation, 2008, p. 320.

⁵ Dixit J.N., India`s Foreign Policy and its Neighbours. N.-D., Gyan Publishing House, 2001, p.331.

⁶ The Financial Times, 11.03.2007.

⁷ См. Muni S.D., Mohan C.R. New Policy Options for India // India and Emerging Asia, ed. by R.R. Sharma, N-D, Thousand OAKS, – L., Sage, 2005.

⁸ Pacific Affairs, 2007, v.80, № 2, pp. 229-257, 305.

⁹ The Journal of East Asian Affairs, 2006, v. 20, № 2, Fall/Winter, p. 156.

¹⁰ World Focus, 2007, V.XXVIII, N 10, October, p. 385.

¹¹ IMF, Direction of Trade Statistics Yearbook, 2005; The Journal of East Asian Affairs, v. 20, N 2, Fall/Winter 2006, p. 149-151.

¹² Скалапино А.Р. Вызовы грядущего мира //Проблемы Дальнего Востока, т. 95, № 3, с. 38-43; East Asian Review, v. 12, March 2008, p. 12-13.

¹³ World Focus, 2007, V.XXVIII, № 10, October, p.384-385; The Journal of East Asian Affairs, 2008, v. 22, № 1, p. 183; East Asian Review, v. 12, March 2008, p. 134.

¹⁴ The Journal of East Asian Affairs, v. 20, № 2, Fall/Winter 2006, p. 148.

¹⁵ См. Усов В.А. Формирование общего индоокеанского пространства. 2003, ПМЛ ИАРАН.

¹⁶ Asian Strategic Review. 2008, *ibid.*, p. 19.

¹⁷ Asian Strategic Review.2008, *ibid.*, p. 317, 161.

¹⁸ Asian Survey, v. XLVIII, № 6, November/December 2008, p. 951; The Journal of East Asian Affairs, v. 22, № 1, Spring/Summer 2008, p. 181.

- ¹⁹ Asian Survey, v. XLVIII, № 6, November/ December 2008, p. 949-950.
- ²⁰ Asian Survey, v. XLVIII, № 6, November/December 2008, p. 942, 948; Asian Strategic Review.2008., ibid., p. 161.
- ²¹ Ibid., p. 942; The Journal of East Asian Affairs, v. 22, № 1, Spring/Summer 2008, p. 184; Asian Strategic Review.2008, ibid., p. 161.
- ²² Каплан Роберт, Центральная арена XXI века. Силовые игры в Индийском океане/ Время новостей, 17.03.2009.
- ²³ Asian Strategic Review. 2008., ibid., p.356.
- ²⁴ East Asian Review, v. 12, March 2008, p. 46.
- ²⁵ East Asian Review, v. 12, March 2008, p. 133; Asian Survey, v. XLI, N 1, January/ February 2006, p.7.
- ²⁶ The Journal of East Asian Affairs, v. 20, № 2, Fall/Winter 2006, p. 160,165.
- ²⁷ Компас, ИТАР-ТАСС, № 32, 2009, с. 8-9.
- ²⁸ Asian Strategic Review.2008, ibid., p. 358.
- ²⁹ Op.cit., p. 357.